

Научная статья
УДК 130.2, 141.32
doi: 10.17223/15617793/519/8

Человек сквозь призму символики рождения и смерти в культуре

Лариса Ивановна Жижилева¹

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, larzhi73@yandex.ru*

Аннотация. Исследованы модели существования человека в культуре в соответствии с феноменами рождения и смерти, позволяющие ему определить свое место в хаосе ценностей. Анализ предмета исследования наряду со сравнительно-историческим методом позволил проследить положение человека, цикличность процессов смены культур, заметить их сосуществование в пространстве современного общества.

Ключевые слова: рождение, смерть, человек, культура, патриархальная культура, партнерская культура, традиционная культура, массовая культура, культура личностной трансформации

Для цитирования: Жижилева Л.И. Человек сквозь призму символики рождения и смерти в культуре // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 63–67. doi: 10.17223/15617793/519/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/8

Person through the prism of the symbolism of birth and death in culture

Larisa I. Zhizhileva¹

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, larzhi73@yandex.ru*

Abstract. This study aims to explore models of human existence in culture through the lens of birth and death—two fundamental phenomena that enable individuals to orient themselves within the chaos of values. Prioritizing one over the other reveals, among other things, gender orientations within a given culture (R. Eisler) or dynamics of displacement and return (J. Baudrillard). Overlooking these dimensions perpetuates the conditions characteristic of mass culture, while acknowledging them may open the door to authentic existence (M. Heidegger). Patriarchal culture, for instance, emphasizes survival, the masculine principle (J. Campbell), and heroic or sacrificial death—whether on the battlefield or on the cross—as reflected in myths and sacred texts, thereby marginalizing feminine modes of being. As living conditions improve, however, partnership-oriented cultures gain prominence, centered on birth, childhood, and life itself (M. Gimbutas, M. Murdock). Within this framework, emphasis may shift either toward increased consumption—a hallmark of mass culture that trivializes both birth and death—or toward enhancing the quality of human life, as seen in cultures of personal transformation. Employing a comparative-historical approach, this study traces the position of the individual across cultural transformations and reveals the coexistence of multiple models within contemporary society. Today, survival-oriented cultures are most prevalent in Asia, Africa, and Latin America—regions characterized by high birth rates, youthful populations, and significant emigration driven by conflict and the search for better opportunities in more developed countries. The latter's recent "conservative turn" in politics signals growing militarism and diminishing hospitality toward migrant communities, a dynamic that resonates with S. Huntington's notion of a "clash of civilizations." At the same time, A. Toffler envisions a future culture shaped by a more responsible generation, less preoccupied with self and consumption. Thus, contemporary social space accommodates a plurality of existential models. Mass culture privileges quantity, endless consumption, and the devaluation of things. Survival societies uphold traditions of large families, sacrifice, and battlefield heroism, with conformity serving as a primary adaptive mechanism. Yet the values of birth and death may also serve as meaningful focal points for personal transformation, enhancing the quality of life and cultivating resilience in the face of diverse challenges. Foundational support for such transformation can be drawn from early religious-philosophical traditions (Buddhism, Taoism, Stoicism), modern philosophical currents (e.g., existentialism), and scientific perspectives (e.g., humanistic and existential psychology)—all of which offer frameworks capable of being integrated into individual lives.

Keywords: birth, death, human, culture, patriarchal culture, partnership culture, mass culture, culture of personal transformation

For citation: Zhizhileva, L.I. (2025) Person through the prism of the symbolism of birth and death in culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 63–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/8

Современная «посткультура», не имеющая своего индивидуального вектора развития, вынуждена обращаться к опыту прошлого, дабы по возможности создать цельную картину мира, помогающую понять, кто мы такие. В этой связи важнейшую роль играют разнообразные явления прошлого, которые задавали и задают векторы осмысления и создают точки опоры в современном мире. Мифологическое мировоззрение, распространенное сегодня через систему некритичных установок и моделей обретения цельности (например, пути героя и героини), актуализирует феномены рождения и смерти, которые являются и акцентами многих мифов, и точками жизни каждого человека. Исследование их позволяет человеку увидеть различные модели существования, выбрать близкие ценности.

В современной литературе рождение и смерть могут рассматриваться как символы патриархальной и партнерской культур. В частности, Риан Айслер указала на противопоставление этих феноменов, нашедших отражение в традиционной культуре дописьменной эпохи и христианстве. С одной стороны, это культ беременной женщины, рождения и перехода к жизни, а с другой, – символ умирающего Христа, смерти и перехода в иной мир [1]. В культурах имеет место акцент на разные ценности. И если о патриархате мы знаем больше благодаря письменности, то о традициях народов Европы до индоевропейского вторжения – благодаря развитию археологии последние несколько веков [2]. Влияние данных символов имеет огромное значение для современного общества, сталкивающегося с трансформацией патриархальной культуры. На это указывает, как например, пристальный интерес к изучению смерти [3] и ее вытеснения за границы современной культуры [4], так и значимость рождения, детства, а в целом и гендерные исследования с акцентом на феминные черты [5, 6]. Помимо гендерного критерия, важную роль в осознании культурной принадлежности приобретают категории количества и качества, указывающие на человека массовой культуры и культуры личностной трансформации. Причем в первом случае рождение и смерть являются лишь фактами существования наряду с другими, а во втором – основаниями для изменения своей жизни. Рассмотрим, какие модели существования человека имели место в прошлом и почему они значимы сейчас.

Наибольшее влияние в европейской средневековой культуре длительное время имеет образ мертвого Христа, второй ипостаси Бога, одного из символов патриархальной культуры. Это был не знак великих побед, которых добивались боги и герои Античности, представляющие элиту общества, а олицетворение страдания и боли, что было так понятно бедным слоям общества как в период кризиса Римской империи, так и позднее. При этом как в том, так и в другом случае значение придавалось смерти героя на поле боя или Христа на кресте (тема умирания и возрождения известна была и древнегреческой культуре), т.е. знаковых фигур мужского пола. В этом обществе придавалось значение социальной реализации мужчины и его готовности принести себя в жертву во имя своего народа (для

жизни людей или для искупления грехов). Данная символика патриархальной культуры имеет исторические корни, связанные с распространением в Европе захватнических кочевых племен ариев и семитов, которые не только покорили оседлые народы, почитавшие Великую Богиню, но и установили мужскую мифологию, подавлявшую женское начало и нашедшую воплощение в Ветхом Завете [7. С. 97–101]. Эта культура не воспринимала детства, придавая значимость не ребенку, а воину. Женщине же отводилась роль служанки, потомки которой произошли из ребра Адама, вынужденной всю жизнь зависеть от мужской воли и подчиняться ей. Рождение (кроме рождения воина) не имело столь важного значения, ведь многие дети и матери традиционной культуры довольно рано умирали. Лишь социальная функция, преуспеть в которой мог в те времена в большей мере мужчина, и придавала смысл и ценность человеческой жизни, которую завершала жертвенная смерть.

Таким образом, смерть издавна является вехой, подытоживающей социальный опыт. Но в условиях современного общества ее роль меняется. При повышении уровня жизни возникают предпосылки, с одной стороны, для партнерской культуры, а с другой – важность приобретают количественные потребительские характеристики, ведущие к возникновению массового общества. По мнению Ж. Бодрийяра, здесь смерть вытесняется за границы жизни, и в силу возвратного процесса сама жизнь становится лишь дожитием, обусловленным смертью [4. С. 234–235]. Он также указывал на особенность современных крупных городов, превращающихся в кладбища, в то время как сами некрополи становились местом, более пригодным для жизни. Однако смерть может стать и причиной человеческой трансформации, оформить в связи с ее ощущением весь смысл и направленность жизни. М. Хайдеггер рассматривает смерть присутствия как его способность быть [8. С. 250]. В целом она может быть и способом инобытия (например, в религиозных представлениях о загробной жизни, творческих работах, оставленном потомстве и др.) [9. С. 11–12].

Мы также можем заметить, что рождение в традиционной культуре долго вытеснялось за границы жизни, о чем свидетельствовали, например, такие факты, как вывод женщин, родов в сферу закрытой частной жизни Античности и Средневековья, длительное невнимание научной медицины к проблемам рождения и женской физиологии, что приводило к высокой смертности детей и женщин [10. С. 77]. В силу возвратного процесса, который мы тоже можем применить по аналогии, феномен рождения должен был обязательно появиться в культуре. Так, если в средневековом искусстве способом выражения красоты было искривление тела, известное как принцип хиазма, которое может в какой-то степени указывать и на беременность женщины, то широко распространенные в период Возрождения мадонны с младенцами, пышущими жизнью, уже точно символизируют торжество рождения. С XVIII в. население планеты начинает постепенно и неуклонно возрастать [11. С. 44], и сегодня

даже возникает проблема перенаселения планеты. Общество обращает внимание на детство, а сам ребенок становится ценностью [12]. Уже к XX–XXI вв. наука и общество пристально наблюдают за психологическим благополучием ребенка, травмами и иными проблемами, идущими из детства. Материнство и детство находятся под контролем государства, которое тратит средства на их поддержку, вводя низкие ставки семейной ипотеки или материнский капитал. Под влиянием этих начал общество более склонно к берегающим жизнь аспектам, скорее к ценности коммуникации, чем агрессии, развитию горизонтальных связей, чем иерархии. При этом значение имеет не рождение как таковое, которое было способом изнеможения женщины традиционного общества, которая могла иметь много детей, если не умирала в результате очередных родов. Скорее важен каждый человек, которому уделяется достаточно внимания, в связи с чем актуально сознательное решение женщины и мужчины, связанное с рождением ребенка.

Рождение, как и смерть, может стать границей человеческой трансформации, что известно было еще с глубокой древности, но не стало до настоящего времени широкой жизненной практикой. С рождением связано, какие физические и психические особенности есть у человека и как они могут быть развиты в дальнейшем. И если ощущение приближающейся смерти может менять жизненные приоритеты человека (для чего он живет, что выполнил и что ему еще удастся сделать), то осознание раннего детства может приблизить к его реальной сути, истинным интересам и потребностям. Так, например, современные пенсионеры, имеющие разные физические ограничения, нередко не могут реализовать упущенные когда-то возможности и сожалеют об этом перед лицом своего приближающегося конца. При этом большее понимание своих внутренних проблем, возникших в прошлом (возможно, и в их детстве), и реальных потребностей может позволить им прожить более качественную по своим характеристикам жизнь. К таким проблемам можно отнести, например, незнание своих интересов, связанных с советским способом коллективного воспитания людей, нередко лишенных индивидуального пространства, критикуемых за эгоистические стремления понять свои потребности. Кулинария, садоводство, изготовление игрушек, чтение любимых книг, просмотр интересных и содержательных фильмов – все это и многое другое поможет сделать жизнь более осмысленной в отличие от тяжелой и напряженной трудовой и семейной деятельности в ранние годы, если понять, что же было источником интересов в детстве и что было утрачено в связи с коллективными запросами. Например, если в ранние годы человек так и не смог получить музыкальное образование, но любовь и интерес к музыке сохранил и в старости, его можно поддерживать, развивая вкус к произведениям через лектории, семинары, специальные видеоформаты.

Непонимание себя, своих потребностей может быть причиной жизненных проблем и трудностей в обществе. Так, исследования показывают, что пенсионеры

часто проявляют доверчивость перед лицом мошенников, которая приводит к изъятию денег и ценностей у этой группы населения. Неспособность опираться на себя, а скорее, привычка доверять советским организациям, принадлежавшим к структурам государства (банкам, СМИ и др.), делает этих людей очень уязвимыми [13. С. 66–69]. Лучшее понимание своих потребностей и поведения, особенности которого тоже связаны с ранними годами жизни, позволило бы избежать многих проблем подобного типа.

Еще на один момент хотелось бы обратить внимание в связи с темой рождения, это вопрос самооценки личности, корни которого в нашем детстве. Отношение к своим жизненным приоритетам и к себе также складывается в ранние периоды жизни человека. Нередко проблемой современных людей, идущей из традиционного христианского прошлого, на которую указывают психологи, является низкая самооценка, приводящая к недостаточному вниманию себе, собственным успехам. Происходит обесценивание своих достижений, и в целом жизнь оказывается довольно сильно наполненной страданиями. Для таких людей очень важна поддержка и необходим пересмотр жизненных ценностей. С точки зрения психологии эти вопросы решаются разными способами, в зависимости от научного направления. Психолог М. Литвак, который много публиковал своих работ для широкой публики, обращает внимание своих пациентов на данную проблему таким образом. Он указывает, что каждый из нас рождается принцем и принцессой, поскольку только один из сперматозоидов отца достигает яйцеклетки матери, а остальные 150 миллионов погибают, так и не достигая своей цели. Каждый рожденный человек должен понять собственную избранность и значимость, свою способность стать королем или королевой [14] и двигаться в своей жизни в соответствии с этим знанием. Это не значит, что все вокруг должны обслуживать данного человека, а он только пользоваться чужими ресурсами, что тоже происходит, когда человек и его достижения переоцениваются. Речь идет о возможности прожить собственную удовлетворительную жизнь, ценность которой понимаема. В данном случае не смерть, а ранние годы становятся мерилем нашей трансформации, влияющей на качество всей жизни.

Придание значимости рождению должно изменить культуру восприятия семейного мира в целом. Если патриархальная культура смерти ориентирована на почитание воинов, что придает ценность мужчинам в целом, а женщинам только в связи с рождением мальчиков, то акцент на ценности рождения связан с почитанием матери, женского, дитя как такового. Это указание на значимость ребенка любого пола, его жизни, здоровья, развития, возможности самореализации. Более того, осознанный подход к рождению, снижение роли физического труда в семейно-бытовой жизни требуют переориентации мужчин также на семейные ценности. Это значит большее участие в воспитании своих детей, в том числе готовность находиться в отпуске по уходу за ребенком, реальная осязаемая ответственность за невыполнение алиментных обязательств. Се-

мейно-бытовая сфера не должна быть второй неоплачиваемой работой для женщин. Если интерес к ней будет иметь место у обоих супругов, то и для их ребенка это станет важным и ценным опытом жизни.

Оценивая процессы вытеснения и возвращения феноменов смерти и рождения в культуру, мы можем ожидать их повторения. Преимущества, которые получает иерархия, жесткие (до военного) способы справляться с конфликтами при ограниченных ресурсах возрождают интерес к культуре смерти. Огромное значение приобретает для культуры принесение себя в жертву за идею на поле боя или в обычной жизненной ситуации. Но если базовые потребности людей оказываются обеспеченными, то возрастает вероятность горизонтальных отношений и взаимосвязей, интереса к жизненным приоритетам, в том числе качественным партнерским отношениям на разных уровнях. Человек в последнем случае может думать о рождении чего-то нового, будь то ребенок или творческий проект иного рода. Тогда смысл жизни не сосредоточивается на принесении себя в жертву, а соотносится с собственной реализацией. Осознание рождения и смерти как собственных жизненных моментов может сместить акценты этого самоосуществления с количественных характеристик на улучшение качества жизни, ее подлинность.

Данная тема становится особенно важной перед лицом глобальных процессов и изменений. Суть их заключается в неравномерном распределении населения планеты по отношению к ресурсам, что приводит к мощным миграционным потокам и столкновению культур, имеющим разные ценности и модели существования человека (патриархально-силовую и партнерскую горизонтальную, количественную массовую и качественную личную трансформации). Феномен «столкновения культур» был описан С. Хантингтоном и сегодня как никогда актуален [15]. С одной стороны, можно видеть волны мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев (в основном с территорий Азии, Африки, Латинской Америки), приезжающих в развитые страны в поисках работы, лучшей жизни, безопасности, остающихся в рамках своей культуры, которая может сильно отличаться от местной и даже конфликтовать с ней. Так, по данным ООН, на февраль 2022 г. насчитывался 281 млн мигрантов, или 3,6% населения мира, и масштабы миграции неуклонно растут [16]. Кроме того, наблюдается рост беженцев и вынужденных переселенцев, уезжающих от войн и конфликтов. По данным ООН, на май 2024 г. число вынужденных переселенцев достигало 120 млн человек, и этот показатель растет двенадцатый год подряд [17]. С другой

стороны, в принимающих странах Запада увеличиваются опасения по поводу национальной безопасности и того, что беженцы способны интегрироваться в их культуру. Если одна треть полагает, что они внесут достойный вклад в экономику страны, то другая треть придерживается противоположного мнения [18]. Подобные процессы приводят к росту консервативной политики и жестких мер по отношению к нелегальной миграции [19]. Таким образом, сегодня мы наблюдаем создание обильной почвы для конфликтности, применения силовых мер, патриархальных способов справляться со сложными ситуациями, что вызывает опасения по поводу результатов происходящего. Однако не обязательно с молодыми поколениями стоит ожидать прихода воинственности и разрушения, актуализирующих черты патриархальности. В своих футурологических исследованиях Э.Торффлер указывает на значимость пожилых людей и вопросов геронтологии, во время как приоритет среди молодежи будут иметь те, кто в состоянии быстро брать на себя ответственность, а не растягивать период детства на долгие годы [20. С. 604–606]. Глобальные вызовы все больше обращают внимание человека на качество его жизни, которое становится ясным тогда, когда осознается ее начало или конец вместе с неразрешенными проблемами.

В современном информационном обществе довольно много как тех людей, для кого важен культ силы, иерархии, победы и поражения, так и тех, кто пытается исследовать себя, реализоваться во взаимодействии с такими же, похожими на него. Смерть или рождение как феномены современной культуры могут стать важными акцентами изменения человеческого существования. Однако нередки и такие случаи, когда им не придается никакого значения, как и ценности самой жизни. Сегодня любой может стать объектом глобальных вызовов, манипулятивных практик, в которых функционирует как рождение, детство, так и смерть, а общий коллективный опыт реагирования, имеющий место в традиционной или массовой культурах (конформизм), мало помогает. Осознание рождения и смерти как феноменов конкретной жизни может прекратить зависимое существование человека, изменив ее качество возложением на себя ответственности за ее проживание. Сегодня в одном пространстве могут жить представители разных культур, в том числе патриархальной и партнерской, массовой и личностной трансформации, отношение к рождению и смерти может быть как выбором каждого, так и показателем принадлежности к той или иной из них.

Список источников

1. Айслер Р. Чаша и клинок. М. : Древо жизни, 1993. 186 с.
2. Гимбутас М. Цивилизация Великой богини: Мир Древней Европы. М. : РОССПЭН, 2006. 584 с.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
5. Мердок М. Путешествие героини. М. : Клуб Касталия, 2018. 240 с.
6. Стоун М. Когда Бог был женщиной. М. : Эксмо, 2023. 457 с.
7. Кэмпбелл Дж. Пути к блаженству: мифология и трансформация личности. М. : Открытый мир, 2006. 320 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
9. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх (от Античности до Нового времени) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2002. 47 с.
10. Пушкарева Н. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М. : Ломоносовъ, 2011. 218 с.

11. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
12. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 415 с.
13. Ярославцева И.В., Дорохина С.А. Критическое мышление пожилых людей – жертв мошеннических действий: теоретический и прикладной аспекты исследования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 15. С. 60–71.
14. Литвак М. О чувстве собственной значительности // Сайт Михаила Литвака. 11.03.2020. URL: https://litvak.me/statyi/article_post/o-chuvstve-sobstvennoj-znachitelnosti (дата обращения: 10.01.2025).
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
16. В мире насчитывается примерно 281 млн международных мигрантов // Новости ООН. 14.02.2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252> (дата обращения: 24.01.2025).
17. ООН: масштабы вынужденного переселения достигли рекордных показателей // Новости ООН. 13.06.2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453256> (дата обращения: 24.01.2025).
18. Глобальный опрос показал, что мировое население в основном поддерживает беженцев // Новости ООН. 18.06.2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453391> (дата обращения: 24.01.2024).
19. Миссуми Т. В США начали отлов нелегальных мигрантов для депортации по приказу Трампа // Life.ru. 22.01.2025. URL: <https://life.ru/p/1721330> (дата обращения: 24.01.2025).
20. Тoffлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.

References

1. Eisler, R. (1993) *Chasha i klinok* [The Chalice and the Blade]. Moscow: Drevno zhizni.
2. Gimbutas, M. (2006) *Tsivilizatsiya Velikoy bogini: Mir Drevney Evropy* [The Civilization of the Great Goddess: The World of Ancient Europe]. Moscow: ROSSPEN.
3. Aries, P. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [The Hour of Our Death]. Moscow: Progress – Progress-Akademiya.
4. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet.
5. Murdock, M. (2018) *Puteshestvie geroini* [The Heroine's Journey]. Moscow: Klub Kastaliya.
6. Stone, M. (2023) *Kogda Bog byl zhenshchinoy* [When God Was a Woman]. Moscow: Eksmo.
7. Campbell, J. (2006) *Puti k blazhenstvu: mifologiya i transformatsiya lichnosti* [Paths to Bliss: Mythology and Personal Transformation]. Moscow: Otkrytyy mir.
8. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem.
9. Gagarin, A.S. (2002) *Ekzistentsialy chelovecheskogo bytiya: odinochestvo, smert', strakh (ot Antichnosti do Novogo vremeni)* [Existentials of Human Existence: Loneliness, Death, Fear (from Antiquity to Modern Times)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Yekaterinburg.
10. Pushkareva, N. (2011) *Chasnaya zhizn' zhenshchiny v Drevney Rusi i Moskovii: nevesta, zhena, lyubovniitsa* [The Private Life of Women in Ancient Rus and Muscovy: Bride, Wife, Mistress]. Moscow: Lomonosov.
11. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv.* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century], Vol. 1. Moscow: Progress.
12. Aries, P. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke* [The Child and Family Life in the Ancien Régime]. Yekaterinburg: Ural University.
13. Yaroslavtseva, I.V. & Dorokhina, S.A. (2016) *Kriticheskoe myshlenie pozhiykh lyudey – zhertv moshennicheskikh deystviy: teoreticheskiy i prikladnyy aspekty issledovaniya* [Critical thinking of elderly people – victims of fraud: theoretical and applied aspects of the study]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. 15. pp. 60–71.
14. Litvak, M. (2020) *O chuvstve sobstvennoy znachitelnosti* [On the Feeling of Self-Importance]. [Online] 11 March 2020. Available from: https://litvak.me/statyi/article_post/o-chuvstve-sobstvennoj-znachitelnosti (Accessed: 10.01.2025).
15. Huntington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
16. UN News. (2022) *V mire naschityvaetsya primerno 281 mln mezhdunarodnykh migrantov* [There are approximately 281 million international migrants in the world]. 14 February 2022. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252> (Accessed: 24.01.2025).
17. UN News. (2024) *OON: masshtaby vynuzhdennogo pereseleniya dostigli rekordnykh pokazateley* [UN: Forced displacement reaches record levels]. 13 June 2024. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453256> (Accessed: 24.01.2025).
18. UN News. (2024) *Global'nyy opros pokazal, chto mirovoe naselenie v osnovnom podderzhivaet bezhentsev* [Global poll shows world population largely supports refugees]. 18 June 2024. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453391> (Accessed: 24.01.2024).
19. Missumi, T. (2025) *V SShA nachali otlov nelegal'nykh migrantov dlya deportatsii po prikazu Trampa* [The US has begun rounding up illegal migrants for deportation on Trump's orders]. 22 January 2025. [Online] Available from: <https://life.ru/p/1721330> (Accessed: 24.01.2025).
20. Toffler, A. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST.

Информация об авторе:

Жижилева Л.И. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: larzhi73@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.I. Zhizhileva, Cand. Sci. (Philosophy), associate profesor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: larzhi73@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 16.02.2025;
approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.